

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
**УНИВЕРСИТЕТ
КЛАССНЫХ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ**

Взаимоотношения

В. Букатов

Как организовать импровизированный театр теней на семейном или школьном празднике

113 – 131

События

Г. Резапкина

Уроки самоопределения: самопознание и навыки общения (начало см. в № 1, 2)

132 – 140

Проблемы

С. Дикман

Я и милиция: что делать в сложной ситуации? (начало см. в №1, 2)

141 – 142

Взаимоотношения

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ
ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ ТЕАТР
ТЕНЕЙ НА СЕМЕЙНОМ ИЛИ
ШКОЛЬНОМ ПРАЗДНИКЕ

*Мастер-класс в одиннадцати шагах,
подробных комментариях и четырёх экскурсах*

В. БУКАТОВ

Все пришедшие на мастер-класс познакомились не с традиционным театром, в котором все участники делятся на исполнителей и зрителей, а с тем театральным чудом, которое случается во время репетиции, когда все присутствующие захвачены общим азартом импровизации. И, судя по реакции собравшихся, театральное чудо состоялось. Даже для скептиков. И хоть речь шла о празднике семейном, абсолютно всё, что здесь происходило, легко представить себе в школьном пространстве — на общешкольном или классном празднике и даже на классном часе.

Недавно в Муроме на семинаре, посвящённом проблемам семьи, мне довелось вести мастер-класс на тему, «Как организовать импровизированный театр теней на семейном празднике». Записалось 22 человека, но собралось больше тридцати — учителя, студенты, школьные психологи, кандидаты и доктора различных наук.

Было начало июля, и стояла дикая жара. И хотя все аудитории были просторными, от духоты это нисколько не спасало. Но ни работе, ни вдохновению участников происходящего это, как оказалось, помешать не смогло.

Предлагаемые обстоятельства и ожидаемые эффекты

Перед мастер-классом я зашёл в аудиторию, чтобы выяснить обстановку. Окна были, как я и просил, с затемнением. С потолка свисал экран. Парты стояли, как в обычном учебном классе: друг за другом в три ряда.

От экрана я решил сразу отказаться. С одной стороны, проецировать тени на экран удобно и красиво, но потом такую *выгородку* нельзя будет повторить на семейном празднике, ведь редко у кого в квартире можно найти настоящий профессиональный экран.

А расстановку столов я решил до начала мастер-класса нарочно оставить такой, как есть. Слушатели на мастер-класс придут учиться, и им привычно будет входить в учебную мизансцену, когда столы расположены рядами. А уж потом, во время работы, и переставим столы. Для меня было важно подчеркнуть *семиотическую значимость* этой перестановки, которая принципиально осуществляется

- во время учебного действия,
- руками самих обучаемых.

Если участники ломают привычную мизансцену во время самого действия и своими собственными руками, то, глядишь, у кого-то из них психологическая премудрость этого, на первый взгляд, непритязательного приёма эмоционально аукнется и невольно «запишется на подкорку».

Опорные значки — аббревиатуры

Когда все собрались, я начал с небольшой вступительной лекции. Сперва сообщил, что основная моя задача — показать, как из ничего (то есть буквально из воздуха) можно сделать нечто интересное. Например, теневой театр. И что сам я являюсь автором социоигрового стиля обучения, который рассчитан, в основном, на школьные уроки, и поэтому одно из названий этой методики — «режиссура урока». Семейный праздник — это, конечно, не урок, но социоигровая педагогика и там отлично срабатывает.

Далее в телеграфном стиле я познакомил слушателей с тремя золотыми правилами: 1) роль движения; 2) роль смены «всего и вся»: мизансцен, ролей, заданий; 3) работа малыми группами).

Соответственно, в правом углу ватмана, скотчем приклеенного к стене, появился блок соответствующих аббревиатур, то есть «опорных значков».

Потом я перечислил три социоигровых постулата педагогического мастерства (первый — *не учить*, второй — *сто тридцать три зайца*, третий — *не бояться быть идиотом*), сопроводив и их блоком соответствующих аббревиатур (которые шли уже не с арабской, а с римской нумерацией).

Пояснения к первому и второму блоку аббревиатур были действительно очень краткими, так что пока моя «мини-лекция» заняла от силы полторы-две минутки.

Пояснения о составе участников

Затем я перешёл к пояснениям по поводу состава участников действия. Обычно на семейном празднике бывают и дети, и взрослые. На некоторых праздниках бывает очень много детей. Когда летом моя пятилетняя внучка праздновала на даче свой день рождения, то собралось двадцать детей и десять взрослых (то есть соотношение было 2:1).

Но расклад может быть и другим. Например, на каждого взрослого может приходиться по одному ребёнку. Или когда один ребёнок приходится на трёх-четырёх взрослых. На таком семейном празднике дети вполне могут оказаться пассивными зрителями. Чтобы такого не произошло, часть из собравшихся взрослых (представим себе такую ситуацию) объединяются в компанию и, прихватив желающих детей, уединяются в какой-нибудь комнатке, чтобы устроить там сказочное представление. Но таких энтузиастов будет пять-шесть. Так что каждому из них обязательно достанется по персонажу (а то и не по одному).

Здесь же на мастер-класс собралось больше тридцати человек. Как вы понимаете, трудно себе представить сказку, в которой было бы тридцать персонажей. Это, во-первых.

А во-вторых, на семейный праздник собираются, как правило, те, кто друг друга знают. Здесь же собрались люди незнакомые, а значит, настрой в аудитории неизбежно будет далёк от той задушевности и комфорта, которые обычно окружают семейную компанию.

И вот, чтобы хоть как-то справиться с большим числом здесь присутствующих, мне придётся разделить всех на рабочие тройки (тут я напомнил про аббревиатуру *МГ* — работа *М*алыми *Г*руппами). Хотя на реальном семейном празднике, добавил я, вы будете делать нечто похожее не в тройках, а в парах (ребёнок плюс родитель), либо по одиночке, либо то так, то эдак.

Ну и, чтобы подвести черту, я обратил внимание присутствующих на то, что пока все они, не спуская глаз со стоящего у доски преподавателя, сидят за столами в затылок друг другу, то в такой ситуации трудно рассчитывать на их инициативность и добровольную покладистость. Ведь если я скажу: «Разделитесь на тройки», — никто же из них не кинется тут же создавать тройки. Ну, разве что три-четыре человека начнут скромно пошевеливаться. Из тридцати. Это же капля в море!

Поэтому я на всякий случай предупредил: с этого момента всё, что я буду тут организовывать, имеет прямое отношение к социогровым технологиям.

ПЕРВЫЙ ШАГ: назвать свою «малую родину»

После этого бодреньким («упругим») голосом я произнёс:

– Все встали!

Все с удивлением, но так-таки встали.

– Посмотрели в потолок... Глядя вверх, вспомните, какое место вы можете назвать своей МАЛОЙ РОДИНОЙ. Ну, например, я своей МАЛОЙ РОДИНОЙ могу назвать Москву. Или Кунцево (район). Или даже Сетунь (микрорайон). То есть на этот вопрос каждый из вас может ответить по-разному. Всё зависит от вы-

бранного масштаба. Решите, как можно назвать вашу МАЛУЮ РОДИНУ. Тот, кто формулировку нашёл, берёт ручку и, стоя, записывает эту формулировку в своей тетради. Как только в тетради появится запись, вы спокойно садитесь, отдыхаете и радуетесь жизни.

Тут возникает забавный разнобой. Кто-то продолжает стоять, глядя в потолок. Кто-то начинает лучезарно улыбаться. Кто-то хватается за ручку, поспешно черкает нужное в своей тетрадке, садится и с любопытством озирается по сторонам, выясняя, а как же дело обстоит у других.

ВТОРОЙ ШАГ: объединиться в тройки

И тогда я произношу третье мини-задание (мини-ступень, мини-шаг):

– Под надписью, которую вы сейчас сделали в своей тетради, нарисуйте что-нибудь из своего детства. Нарисуйте, как можете /см. Экскурс 1/.

После того как большинство начинают что-то увлечённо чиркать в своих тетрадках, я произношу:

– Все встали. Стоя доделывайте. А тем, у кого уже нарисовано, нужно будет найти себе *задушевную тройку*. А это значит, что у всех троих или какая-то буква в формулировках ваших «малых родин» была бы *одной и той же* (то есть общей). Или что-то на рисунках было бы тоже общим или хотя бы перекликалось.

Все встали и начали бродить между партами: с кем бы им объединиться в тройки /см. Экскурс 2/.

Типичный момент: о «синдроме отличника»

И вот, когда это «броуновское движение» стало уверенно деловитым, ко мне подскакивают четыре психолога: «Мы уже собрались, у нас четверых всё совпало!». И стали ко мне приставать: дескать, что им делать, если их не трое, а четверо.

Надо сказать, это очень типичный момент. Среди психологов — так же, как и среди учителей — есть те, у кого слишком силён синдром отличника. Одно из проявлений этого синдрома — «тянуть одеяло на себя». То есть привлекать внимание ведущего к себе, к своей персоне, к своей уникальности. И вот четыре наиболее активных «отличницы», не сговариваясь, быстренько объединились и дружно надели на меня, рассчитывая вдоволь «пожиться» моим вниманием. Тогда как моё внимание сейчас было необходимо не им, а тем, кто «застрял».

Я попытался, было, отвлечь четвёрку от себя, намекнув, что вдруг кто-то окажется в паре и им будет не хватать того самого одного человека, который по своей лености застрял в их «самостийной четвёрке». Но эти слова не подействовали.

ТРЕТИЙ ШАГ: оборудовать рабочие гнёздышки

Тогда я сразу предложил четвёрке следующую ступеньку-задание: оборудовать себе рабочее гнёздышко из трёх(!) стульев, поставив их кружочком в проходе. (В аудитории вдоль одной стены стояли колонны, образуя широкий

проход. Вот в этом-то проходе я и предложил тем, кто готов, делать рабочие гнёздышки.)

Четвёрке это понравилось, и они, схватив свои стулья, пошли устраиваться...

Надо сказать, что потом эта группка оказалась всё-таки не четвёркой, а тройкой (количество стульев так-таки подействовало). Хотя одна из оставшихся троек потом оказалась аж из пяти человек. Но они ко мне не подходили, не докладывали, к себе внимания не привлекали. Ну, а я делал вид, что не вижу, что у них явный перебор. Раз они себя назвали «рабочей тройкой» — я им и не перечил.

Конечно, выполнение игровых правил — дело принципиальное. Но параллельно этому железному принципу существует и «игровое исключение»: *когда нельзя, но очень хочется, то можно.*

Помешивать, чтоб не пригорало

Теперь, когда четвёрка «отличниц» занялась делом, я получил возможность пробежаться по аудитории.

Повторю: на кухне социоигровой «режиссуры урока» основная задача педагога — вовремя «помешивать поварёшкой», чтобы «пища к стенкам котла не прилипла, не пригорала» и чтобы «кушанье оказалось неиспорченным». Вот я и начал бегать по аудитории — «помешивать, чтоб не пригорало».

Оказалось, я сделал это как нельзя вовремя: из тридцати двух человек двое всё ещё сидели (хотя до этого со своих «насиженных мест» вставали вроде бы все!). Но достаточно мне было подойти к ним и поинтересоваться, не случилось ли чего, как они тут же включились в работу.

А кому-то нужна была элементарная подсказка. Так, двое сидели сложа руки и с недоумением смотрели друг на друга. Когда я подошёл к ним, они стали жаловаться: мол, у них на рисунках общим является мостик, и больше ни у кого никаких мостиков нет. Пришлось им подсказать, что на проблему можно посмотреть в другом ракурсе. Например, если мостик из дерева, то тогда они могут принять в свою тройку любого человека, у которого нарисовано что-то связанное с деревьями, брёвнами, досками и т.д. Я не был уверен, что мои объяснения достаточно понятны, но почему-то проблема вдруг рассосалась, и эти двое довольно быстро нашли себе третьего человека.

Помнится, одна студентка стояла с очень потерянным видом. Оказывается, у неё «слово не было написано» (она опоздала и пропустила тот момент, когда все записали свою «малую родину»). Пришлось ей особо про «слово» растолковать. И она спокойно влилась в общий темпоритм.

Пока я ходил, подымал сидевших, напоминал заторможенным, подбадривал тихонь, подсказывал растерявшимся, все вокруг как-то сами собой разобрались. И оказалось, что в большом проходе между стеной и колоннами расположилось десять троек (включая ту особую из пяти человек).

Для домашнего праздника десять троек — ситуация маловероятная. А для мастер-класса, где большинство из присутствующих впервые видят друг друга, — ситуация вполне ожидаемая. Кстати, и темп объединения в тройки, и его конечный результат (коммуникативная готовность всех работать) оказались в конце концов очень даже неплохими.

ЧЕТВЁРТЫЙ ШАГ: ступеньки к сплочению малых групп

Следующая серия ступенек-заданий вела к сплочению малых групп.

В тройках нужно было:

- узнать друг у друга дни рождения,
- сложить числа дней рождений (сложить только дни, без месяцев) — получившаяся сумма и будет персональным названием команды,
- послать посыльного, чтобы тот на листе ватмана, приклеенном скотчем к стене, вписал фломастером в отведённом столбике название (число) своей команды.

Все с удовольствием всё посчитали и всё написали. После чего я попросил сделать перестановку столов, то есть сдвинуть их так, чтобы центр нашей аудитории освободить как можно больше /см. Экскурс 3/.

ПЯТЫЙ ШАГ: выписать *самое-самое*

После того, как желающие раздвинули и сдвинули столы и вернулись в свои рабочие гнёзда, я огласил следующее мини-задание.

Каждому человеку в тройке нужно было в своей тетради написать, что он может нарисовать очень хорошо (словами, а не как-нибудь по-другому). Словесная фиксация личных достижений в рисовании была выполнена практически молниеносно.

Затем в каждой тройке из всех только что записанных «достижений» нужно было выбрать *самое-самое* (трудное, или неожиданное, или интересное и т.д.) и написать его фломастером справа от названия своей команды.

Все принялись увлечённо обсуждать.

Посыльные побежали к приклеенному листу ватмана, чтобы вывести там командную версию *самого-самого*. Рядом с числом 88 появилась надпись ПОРТРЕТ. А команда 38 зафиксировала ЧЕЛОВЕК. Если у команды 20 была ЛЯГУШКА, то у команды 65 — ДРАКОН. В команде за номером 51 *самым-самым* оказалась РОМАШКА, а у команды 43 — ВЕЛОСИПЕД. Возникшее разнообразие явно заинтриговало присутствующих, а меня, как ведущего, явно радовало.

[99 - 112]
Сценарии
и алгоритмы

118 ▶

Комментарий о пропедевтике отказов

Раскрою карты. Появление списка рисунков *самого-самого* был не только очередным малым шагом к изготовлению персонажей, но и своеобразной пропедевтикой, благодаря которой удаётся избежать бесконечных разговоров: «А я не умею!», «У меня ни за что не получится», «Но я же не знаю, как!» и т.д.

Количество участников и их возраст по-разному сказывается на появлении «эпидемии отказов». Допустим, на домашнем празднике собрались дети дошкольного возраста (или ученики начальной школы), и их, например, человек семь. Если двоим из них захочется громко заявить: «Я не умею... не знаю... не хочу... не буду», — то это можно спокойно пропускать мимо ушей. Ведь когда двое «отказников» увидят, как пятеро других что-то увлечённо дела-

ют и у них даже что-то получается, то наверняка постараются найти благовидный предлог, чтобы побыстрее подключиться к работе.

На празднике, где компания детско-взрослая, обычно ситуация тоже решается вполне благополучно. Сначала в выполнение игрового задания с удовольствием включаются только дети. А взрослые, наоборот, сидят в стороне и не желают подключаться. Но, глядя на энтузиазм, с которым дети выполняют свои задумки, взрослые начинают их (не без удовольствия) поучать: «Не так нужно делать, а вот так». После чего и сами незаметно втягиваются в дело.

Но это на реальном семейном празднике. Если же в ситуации мастер-класса, где обычно участников много (20, 30 и больше человек), ведущий пропустит пару отказов мимо ушей, то это может выйти боком. При неумелой режиссуре может вспыхнуть «эпидемия отказов», и тогда присутствующих придётся «пинками загонять» в работу.

Так вот, чтобы подстелить соломку и предупредить появление негативных резонансов, и был придуман ход с фиксацией личных достижений в рисовании, последующим выбором *самого-самого* и занесением соответствующей записи на общий ватман. А венчало эту цепочку мини-заданий объяснение, что все перечисленные достижения: лягушки, велосипеды, драконы и ромашки — могут возникнуть благодаря *умелой* руке. В отличие от *неумелой*. Речь идёт не о правой и левой руке, а именно об умелой и неумелой, ведь у левшей и правшей они будут разными.

После чего присутствующие выясняли, какая и них рука умелая, и маркировали её с помощью красной шерстяной нитки, завязанной на указательном пальце (*О появлении такой «проблематики» см. Экскурс-4*). В результате маркированными оказались не только указательные пальцы, на некоторых фотографиях видно, что шерстяные колечки-бантики намотаны то на безымянные, то на большие пальцы.

Комментарий о шуме деловом и неделовом

По ходу завязывания друг другу бантиков-маркировок, многие в аудитории стали чувствовать себя совсем свободно. Это тут же отразилось на появлении шумового фона: люди начали между собой беззаботно разговаривать о чём угодно и без оглядки на преподавателя.

Появление шума вообще-то свидетельствует о всё большем нарастании комфортности. Если в начале встречи собравшиеся были настороженны или даже испуганы, то есть проявления ранее наработанных социальных ролей подавлялось ситуационной неизвестностью, то теперь личностное своеволие — чьи-то меркантильные цели, амбиции, планы, претензии — невольно стало вылезать наружу. В этот момент в малых командах всегда находятся люди, которые начинают «тянуть одеяло на себя», заводя разговоры о своих личных интересах. Такого рода беззаботная болтовня показывает, что общего дела ещё нет, общего темпоритма не налажено. Этот шум пока ещё не рабочий, поэтому от него надо как можно скорее избавляться, иначе ситуация «заболотится».

Многие учителя интуитивно чётко различают: если шум *неделовой*, то это упрёк их работе, а если *деловой* — показатель эффективности усилий, затрачен-

ных на налаживание учебной ситуации, образовательного пространства, ученической деятельности.

В родном языке кроется подсказка, что есть учебный процесс. Если об учителе мы говорим, что он *учит*, то об ученике мы говорим, что он *учит-ся*, то есть *учит себя*.

И действительно, как бы учитель ни учил, результат его усилий появится только в том случае, если ученик начнёт *учить себя*. А когда учеников несколько, когда их много и все одновременно заняты *научением себя* (то есть на самом деле выясняют, вспоминают, пробуют, ошибаются, исправляются, объясняются), то уровень шума неизбежно будет повышаться. И педагог должен бы радоваться этому, а не «бороться с дисциплиной», добиваясь образцово-показательной тишины.

Игровой хит по налаживанию дисциплины

Среди хитов социоигровой «режиссуры урока» есть те, парадоксальность которых позволяет ведущему справляться с уровнем шума (делового или неделового — решать ему самому) без жёсткого учительского диктата. Один из таких хитов — упражнение «Кто меня слышит...».

Усаживаясь на стул в центре аудитории (то есть сменив мизансцену согласно золотому правилу: *смена всего и вся*), я очень тихим голосом, почти что себе под нос, начал бубнить:

– Кто-о меня-я слы-ышит, подымите правую руку... [пауза] Кто-о меня-я слы-ышит, подымите обе руки...

Реакции никакой даже у близсидящих. Но на восьмое(!) предложение — помахать рукой в воздухе — откликнулось аж три человека. Зато на следующее — пощёлкать тихонько пальцами правой руки — вдвое больше. Лёд тронулся. Слушающих и слышащих становилось всё больше и больше. И остальным всё интереснее стало подключаться к их числу.

Когда уже все как один внимали мне с интересом, выполняя едва слышные команды, я всё так же тихо сообщил, что сейчас они на себе испытали один из хитов социоигровой педагогики.

Затем я вкратце рассказал, какие ошибки обычно допускают студенты-практиканты в этом упражнении. Например, одна из студенток на своём уроке пыталась наладить дисциплину следующим образом: два раза прошептала «Кто меня слышит...», а потом как треснет ладонью по столу — все сразу стали как шёлковые.

ШЕСТОЙ ШАГ: выбор персонажей

Следующий шаг: договориться в тройках (стоя!), какой персонаж из сказки КОЛОБОК выбрать для изготовления.

Вообще-то сказку можно взять любую — хоть «Бременские музыканты». Участники сами могут выбирать или саму сказку, или сказочную тематику. Но ведущий может «заказывать» сказку и по своему усмотрению-расчёту, как я и поступил на том мастер-классе, демонстрируя, что подобный произвол иногда в принципе допустим и не может особо испортить рабочий настрой собравшихся (если только он у них к этому моменту уже есть).

Итак, подойдя к висящему на стене общему листу ватмана, я крупно вывел фло-мастером: КОЛОБОК. Команды встали и стоя начали выбирать себе персонаж для изготовления. Прежде чем сесть, тройки отправляли посыльного, чтобы он отразил их выбор в новой колонке общего листа ватмана (справа от списка *самого-самого*, что может нарисовать кто-то один из каждой тройки). Побежали посыльные.

Вскоре у ватмана послышались реплики: «А это уже написано другой командой!», «Это уже в списке есть!» Большинство команд довольно быстро решили, что, если персонаж уже записан, то его повторять нельзя, хотя я такого не говорил. Напротив, я был готов, что в инсценировке могут появиться и 2-3 Деда, и 3-4 Колобка. Но собравшиеся, не сговариваясь, добровольно наложили на себя «игровой запрет повторов». Так что мне оставалось следить за ходом событий да помалкивать.

В случае повтора персонажей посыльные сами быстро подбегали к своим командам, объясняли, что их вариант уже занят, и быстренько согласовывали новое решение. Персонажей в «Колобке» не так много, а команд аж десять, поэтому посыльные стремились побыстрее объявить свой вариант, пока другие его не заняли. В результате, кроме привычных персонажей, появились новые. Например, некий *Цветочек*. А в одной тройке — *Речка с мостиком и деревом на берегу*. Это уже не один персонаж, а целая компания!

Комментарий о так называемом распределении ролей

Когда список персонажей был полностью готов, я позволил себе небольшой методический комментарий.

Дело в том, что распределять роли среди детей очень трудно. Если назначает взрослый, то всегда находятся обиженные и недовольные: «Почему мне дали Колобка?! Я хочу Лису!», «А я Лису не хочу!» и т.д.

Группа (если работа ведётся по группам) тоже может голосить: «Мы хотим Зайчика, а Зайчик уже есть!» А другая группа бурчать: «Не хотим медведя, потому что у нас его никто не умет рисовать».

На семейном празднике такая ситуация явно подпортит общий темп и ритм и выйти из неё будет довольно сложно. Поэтому лучше постараться избежать её заранее — «подстелить соломку». Что мы и сделали.

Обратите внимание:

- распределял роли — не я (не ведущий),
- судил (кто повторился, а кто не повторился, кто первый, а кто не успел) — тоже не я, а сами команды друг друга.

И это нормально. И тогда никаких особых трений не возникает, и всё довольно быстро выясняется и налаживается *само собой*. Участники мастер-класса даже сами на себя наложили «игровой запрет» — свидетельство высших форм самоорганизации.

СЕДЬМОЙ ШАГ: рисование контуров персонажей

Пришла пора рисовать контуры теневой фигурки своего персонажа.

В процессе рисования командам необходимо было соблюсти два железных условия:

1) рисовать обязательно *неумелой* рукой,
2) к контуру персонажа обязательно должны приложить свою неумелую руку
все до одного члены команды.

Посыльные сбегали за листами бумаги.

Команды вспомнили о маркированных пальцах.

В неумелую руку все взяли кто карандаш, кто ручку.

Начали!

ВОСЬМОЙ ШАГ: вырезание по контуру

Следующий этап — вырезание по контуру. На десять команд у меня было восемь ножниц. Я честно показал их участникам, а потом сказал, что вообще-то гораздо интереснее получается, если нарисованный контур не вырезать, а *вырывать*. И рассказал такой случай.

Как-то я проводил теневой театр на тему народных сказок в деревне Давыдово Ярославской области. В избе собралось человек семь детей и человек десять взрослых. Работали кто по парам, кто индивидуально. Шестилетний сын хозяина трудился над образом Волка в одиночку и очень расстроился, что на контуре волк у него получился маленький и совсем не страшный. Папа малыша был художником, а сыну художника было особо обидно «за плохого волка».

Однако, когда он контур своего Волка буквально *вырвал* аккуратными мелкими движениями пальчиков, поместил на оргстекло и осветил фонариком, так чтобы на стену упала большая тень, то Волк вдруг ожил, оказавшись лучше всех. Малыш был страшно горд. Ему и в самом деле было чем гордиться.

Мои слушатели поулыбались и принялись *вырывать* по контуру своих героев. Потом, правда, некоторые из них всё же воспользовались ножницами. Дело в том, что бумага, хоть и формата А4, была *для поделок*, то есть толстая, почти что картон. Поэтому отдельные детали лучше было вырезать ножницами.

В результате контуры получились очень разнообразными; если приглядеться, на фотографиях это видно.

ДЕВЯТЫЙ ШАГ: подготовка зала

Следующий этап — подготовка зала. Объяснив собравшимся, почему я отказался от использования экрана, я взял два стула, поставил их на середину аудитории и прислонил к их боковинам оргстекло (его взяли на вахте с письменного стола; надо сказать, что такого толстого оргстекла я никогда в жизни не видел).

После этого я специально подчеркнул, что детям лучше всего находиться между стеной, на которую будут проецироваться тени, и тем прозрачным экраном, куда с помощью воды будут приклеиваться контуры.

А за экраном у нас будет фонарик, управлять которым будут сменные «осветители».

Мы задёрнули шторы, я включил фонарики и показал, как они светят: чем дальше фонарик от экрана (а экран от стены), тем размер тени больше.

Желающие попробовали «посветить». Увидели, что можно добиваться разных эффектов (движения, нарастания, подпрыгивания, наложения теней при включении двух фонариков и т.д.).

Потом я попросил каждую тройку подойти к миске с водой, которая стояла на полу рядом с экраном, и, намочив приготовленный контур своего персонажа, приложить его к стеклу, проверив, как он приклеивается.

Команды попробовали, после чего убрали свои заготовки за кулисы, оставив оргстекло абсолютно чистым.

ДЕСЯТЫЙ ШАГ: построение мизансцены

Перед началом спектакля-импровизации я ещё раз вернулся к построению «мизансцены».

- Тень должна быть большой.
- Детям лучше сидеть лицом к тени, а не к экрану, на который светит фонарик. Иначе внимание детей будет привлекаться только освещёнными контурами (при затемнении они будут казаться особо яркими), а не их большущими тенями, появляющимися на стене.
- За экраном лучше находиться только осветителю, который будет меняться, потому что в каждой тройке он свой.

Помнится, что в одной из школ в группе продлённого дня делали теневой театр (на сайте есть рассказ об этом). И учительница решила, что работающие тройки будут находиться за экраном. В результате все вылилось в то, что каждая тройка сочиняла свою собственную сказку.

У нас же задача не сравнивать сказки: у кого получилось лучше, у кого хуже, а создать одну *общую сказку*. Поэтому, когда приходит очередь, то из рабочей тройки за экран уходит только «осветитель».

- Второй представитель тройки садится перед экраном, окунает фигурку в миску с водой и приклеивает к оргстеклу.
- Третий участник рабочей тройки, находясь рядом, но среди зрителей, озвучивает появившееся изображение.
- При этом все роли взаимозаменяемы. Если запнулся озвучивающий, то любой из тройки может ему подсказать (либо перехватить инициативу).

В результате получается представление-импровизация. То есть без репетиций — «здесь и сейчас». Когда же тройка в полном составе уходит за экран, то она обособляется. И общего действия не получается.

ОДИННАДЦАТЫЙ ШАГ: разыгрывание общей сказки

Итак, всё готово к показу. Кто начнёт?

Команды мнутя. Я решил помочь:

- Сказка-то с чего начинается?
- С появления бабки, которая печёт колобок.

Тут одна из команд дружно возражает:

- Нет! Сначала её дедка должен попросить.

В списке из десяти персонажей «дедушка» у нас был, поэтому я говорю:

- Тройка с «дедушкой», начинайте!

Выходит первая тройка — все девушки. Занимают рабочие места согласно своим театральным ролям. Девушка, что у миски с водой, приклеивает на экран велосипед. Я в лёгком замешательстве.

– А где же дедушка? Вы же в список внесли дедушку, и вдруг — велосипед?!

А они в ответ:

– Так это и есть дедушка!

(Это команда психологов, а для них, говорят, подобное «нестандартно-провоцирующее» поведение характерно. Остальные команды в недоумении: что же дальше?)

Я же, спокойно предоставляя им инициативу и улыбаясь, говорю:

– Выкручивайтесь! Интересно, что у вас получится.

Начали они сказку с того, что дедушка поехал на велосипеде в магазин, чтобы купить бабке муку. Дальше повисла пауза.

– Кто может, помогайте выкручиваться, — бросаю я клич в массы.

Тут другая тройка выводит на сцену свой персонаж — бабку. Бабка, пока нет дедки (от него на экране только велосипед, на нём потом Колобок поедет по дороге), по коробу поскребла, по сусеку помела и испекла к приходу деда Колобок...

Интересный момент возник, когда Колобку в первый раз нужно было петь песенку. И озвучивавший, и его тройка явно замялись. Я в качестве поддержки бросил реплику:

– Пойте, что любите! Хоть «Ромашки спрятались»!

Тогда один из присутствующих молодых мужчин (их было всего трое) вдруг затянул: «Ши-ирока-а страна-а моя родна-ая». Песню тут же подхватили. И всем так понравилось!..

Как потом рассказала мне одна из участниц, именно после этой песни она окончательно убедилась в подлинности чувства комфортности. До этого момента она всё боялась, что сказку нужно будет разыгрывать именно фольклорную — тютелька в тютельку, как в учебнике (она психолог в начальной школе). Но, услышав «Широка страна моя родная», она поняла: выдумывать можно что угодно, — и успокоилась.

В результате, когда Колобок докатился на велосипеде к реке (у одной из троек был приготовлен такой пакет персонажей — мостик, камыши у реки, дерево и цветок), то, не зная брода, он сначала утопил дедов велосипед. Затем Заяц рассказал ему, как пройти к мостику, чтобы попасть на тот берег... И т.д.

Постскрипtum: не просто зрители, а участники

Спектакль всем понравился. Это было видно по смеху, горящим глазам, раскрасневшимся щекам...

С точки зрения равнодушного свидетеля, весь спектакль был, конечно, «махровой самодеятельностью». Но особенность социоигрового действия в том, что все присутствующие смотрят на происходящее совсем другими глазами. Они не просто зрители, они участники. С полуслова понимая друг друга в процессе работы, они видят как бы идеальный, безукоризненный результат. Поэтому впечатление от спектакля у них оказывается столь эмоциональным и содержательным (хотя он, казалось бы, непропорционален профессиональному мастерству исполнения). И катарсис от всего этого действия они получают самый что ни на есть настоящий.

Неслучайно, организация подобного театрального действия не предусматривает появления зрителей. Если бы тут сидел хоть один зритель, началась бы кри-

тика, зазвучали бы придирки. Но из тридцати двух человек не было ни одного просто зрителя, все были ещё и участниками! Потому и восприятие у них было особым: не просто деловым, а сопряжённым с индивидуальной эмоциональностью.

Всех пришедших на мастер-класс мне хотелось познакомить не с традиционным театром, в котором все участники делятся на исполнителей и зрителей, а с тем театральным чудом, которое случается во время репетиции, когда все присутствующие захвачены общим азартом импровизации. И, судя по реакции собравшихся, театральное чудо состоялось. Даже для скептиков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Экскурс 1

1.1. С места в карьер

На мастер-класс собираются люди с разным настроем на работу. И очень часто доминирующей в их настроениях оказывается оборонительная установка, то есть некое первоначальное стремление защищаться от любой инициативности ведущего.

Возникает парадоксальная ситуация. Пришедшие хотят, с одной стороны, как можно больше узнать, понять и выведать от ведущего мастер-класс, а с другой — весьма настороженно относятся к его просьбам, инициативам, предложениям: а вдруг да их что-то заставят делать, вдруг они что-то потеряют, в чём-то запутаются, вдруг они в чём-то да напортачат, да ещё у всех на глазах...

Вот и получается, что для первых минут любых семинаров, мастер-классов, практикумов характерно особое чувство настороженности у большинства собравшихся.

Раньше я с этой настороженностью расправлялся по-режиссёрски — гнал ход занятия с места в карьер. Когда пришедшие, не успев оглянуться, обнаруживают, что поезд тронулся и им приходится запрыгивать в вагон на ходу, все страхи оказываются впопыхах забытыми на перроне. Добиться этого эффекта можно, например, с помощью упражнения «Дружное эхо».

Припомним типичную ситуацию: все собрались и сидят, ждут. У каждого какие-то свои представления о том, что сейчас будет. Тут входит ведущий и без всякой преамбулы (которую, например, позволил себе я, и которая вместе с рисованием в тетради заняла аж пять с половиной минут) произносит «упругим» голосом:

– Встали, — и, дождавшись зарождения коллективной волны по выполнению прозвучавшей команды, продолжает: — На мои звуки все в аудитории должны отвечать *дружным эхом* — без всякого рикошета!

И тут же (!) два раза хлопает в ладоши.

Кто-то, не понимая, таращится и смотрит по сторонам. Кто-то, спохватившись, в ответ (эхом) одиноко хлопает два раза. Кто-то, услышав эти хлопки, вторит им чахлым рикошетом...

А ведущий как ни в чём не бывало:

– Не получилось!

И тут же опять за своё:

– Приготовились!

Заново отхлопав какую-то мелодию, ведущий заинтересованно-мобилизованно как бы ждёт от аудитории: ну что, слабó или нет? Могут ли они дружным эхом повторить отхлопанную мелодию?

Всегда находятся те, кто довольно быстро подхватывает этот игровой настрой ведущего, понимая его как бы с полуслова. Когда таких становится большинство, то даже самым непонятливым из собравшихся вдруг становится понятно, что нужно делать. Понятно без всяких дополнительных объяснений, которые они так привыкли требовать от окружающих.

Серия в нескольких конов подобного игрового задания — и вся аудитория оказывается мобилизованной неким единым темпоритмом. И все уже забыли про прежние страхи, предыдущую настороженность, дискомфорт или недоверие.

Другим приёмом, реализующим способ «с места в карьер», является задание «Руки-ноги». Ведущий почти скороговоркой произносит игровое условие-правило: *один* хлопок — команда рукам (*поднять-опустить*), *два* хлопка — команда ногам (*встать-сесть*). Поехали!

Через полторы минуты всем становится понятна суть этого условия. И все начинают чувствовать себя не только «в новой тарелке», но и «заново родившимися».

1.2. Способ «малых шажков»

Но теперь я всё реже и реже пользуюсь режиссёрским способом начала занятий, предпочитая довольствоваться «малыми шажками наивного любопытства». С одной стороны, каждому из собравшихся ничего не стоит встать в начале встречи для приветствия. И это признаётся всеми присутствующими как нечто само собой разумеющееся.

А поглядеть в потолок и вспомнить «малую родину» — практически всем ещё и любопытно. Без всякой меркантильности, просто так (что для игровой психологии очень важно). Ведь действительно, интересно же вспомнить свою «малую родину». И интересно прикинуть, в каком масштабе её лучше определить, то есть как действительно по-разному можно её назвать и какая из этих формулировок будет лучше.

Впрочем, если присмотреться, то можно обнаружить и такой смешной расчёт. Собравшимся нужно же что-то записывать в своих конспектах: кому — для отчёта перед начальством, кому — для выступления на педсовете перед коллегами. А тут — на тебе! — готовая запись. И слово за сердце берёт (лишний раз глянуть — приятно), и смысл задания по такому опорному конспекту восстанавливается легко.

Вот все тихой сапой и приходят к единому темпоритму, удобному для дальнейшей совместной работы и вполне комфортному для большинства собравшихся. А страхи, сомнения, недоверие как бы сами собой почему-то рассеиваются и куда-то улетучиваются.

1.3. Кто готов — садится

Обратим особое внимание на, казалось бы, столь непритязательный приёмчик — *кто готов, тот садится и отдыхает*. Для этого сначала вспомним ти-

пичную школьную ситуацию: во время выполнения классом задания (например, письменного) учительница произносит: «Кто готов — поднимите руку» (в более авторитарном варианте: «Кто готов — встаньте»). Желающих поднимать руку и, уж тем более, вставать — кот наплакал. И вполне понятно почему. Известно, что за партой удобнее не стоять, а сидеть. И если сидеть, то не с поднятой рукой, а скорее в специфической позе: руки сложены на парте, взгляд в сторону. Когда ученик сидит именно в этой позе, то учителя пристают к нему меньше всего.

Так вот, подобная поза за одиннадцать лет обучения в общеобразовательной школе прочно въедается в стереотипы нашего повседневного поведения. Поэтому спрашивать на занятиях, кто уже успел выполнить задание, — бесполезно. Большинство из тех, кто уже закончил работу, промолчат. Ответят только гиперактивные, да и то с целью ввязаться в разговор с преподавателем, лишний раз «вызывая огонь на себя». Поэтому в социоигровой режиссуре востребованным оказывается приём, построенный на парадоксе.

Парадокс этот заключается в темпо-ритмическом эффекте якобы неудобной позы. Когда аудитория занята выполнением какого-нибудь письменного задания и ведущий видит, что дело хоть и движется, но начинает затягиваться, то он упругим (и/или металлическим) голосом безапелляционно произносит: «ВСЕ ВСТАЛИ и стоя ПРОДОЛЖАЙТЕ работать». При этом, как бы подавая пример, сам подымается со стула. Народ не понимает, зачем им мешают работать. Однако, утешившись разъяснением, что стоя можно продолжать работать не только устно, но и письменно (!), команды нехотя поднимаются, продолжая свои обсуждения и запись результатов. В это время для ведущего главное — пройтись по всем группкам-командам и проверить, чтобы в них никто не сидел: ни говорящие, ни пишущие.

С изменением мизансцены в группах открывается второе дыхание, отчего рабочая атмосфера заметно выигрывает. В это время ведущий информирует присутствующих: «Кто готов — садится и ОТДЫХАЕТ». В результате некоторые команды неожиданно обнаруживают, что работа оказывается уже выполненной. Поэтому они, продолжая шушукаться, весело плюхаются на стулья.

Пример оказывается заразительным... В результате, когда почти все команды уже сидят (сигнализируя окружающим о своей готовности), а одна-две самые медлительные команды всё ещё работают стоя, то подстёгивать их начинает не ведущий, а другие команды (что гораздо мягче и значительно продуктивнее).

Теперь вернёмся к упоминанию подобного приёма в рассказе о мастер-классе. Там приём использовался не в групповой работе, а в индивидуальной. И само задание было микроскопическим — сформулировать наименование своей «малой родины». И тот, кто его выполнил, мог садиться, то есть возвращаться в комфортно-оборонительную мизансцену.

А так как в начале занятия всех так и тянет сесть, то само это желание и являлось дополнительным стимулятором побыстрее сформулировать и записать. Поэтому, как только формулировка появляется в тетради, все садятся. И получается это довольно дружно, что само по себе подтачивает оборонительный настрой.

С появлением же в тетрадке первой записи, присутствующим уже сподручнее приступать и к рисованию. Не будь предыдущего махонького шажка-задания

написать слово — глядишь, некоторые тут же стали бы ныть: «А я не знаю, что рисовать», «А я не умею рисовать», «А у меня не получается» и т.д.

А вот когда на страничке своей рукой уже выведено какое-то слово, причём связанное именно с собственным опытом, то и приступать к рисованию вполне удобно. И совсем не страшно, если что-то получится не очень похоже. Пусть даже «каля-маля»: ведь в своей же тетради и для себя. А параллельно у каждого из рисующих появляется какой-то (пусть даже минимальный) интерес к тетрадке соседа: «Интересно, а что накалякал в своей тетради он?». Соответственно, появляется ощущение, что и соседу «моё слово» и «мои каля-маля» так же интересны. Интересны просто так, без всякой задней мысли.

По мере наполнения аудитории атмосферой подобного бескорыстного любопытства друг к другу, надобность в защитной обороне у большинства собравшихся незаметно исчезает, что и даёт возможность ведущему задавать всё более и более «труднѐмкие», неожиданные и сложные задания.

Экскурс 2

2.1. Деление на команды по разрезанным открыткам

Когда-то я очень часто пользовался разрезанными открытками. Это была чѐтко отработанная технология деления на команды. Теперь уже классика.

Открытки размером в тетрадный лист разрезались на шесть частей, все части подклеивались картоном для твёрдости. Каждый участник, не глядя, вытягивал из шапки (коробки, целлофанового пакета, тряпичного мешочка) фрагмент и искал себе товарищей, чтобы составить всю картинку целиком.

У меня есть даже особо и детально разработанная технология, которая условно называется «знакомство». Рассчитана она на два часа. И в результате выполнения собравшимися всей цепочки заданий пойманными оказываются чуть ли не большая часть «ста тридцати трёх зайцев». Там все успевают и перезнакомиться друг с другом, и почувствовать «локоть друга», и открыть в себе резервы памяти и сообразительности, и обжить доставшуюся картинку, открывая в её смысловом ряду семиотическую и/или культурологическую глубину. /см. ФОТО-примеры/

2.2. Ткать интерес из воздуха

Деление по открыткам я использовал практически на всех своих семинарах, проходивших во многих городах. Но потом, когда я попадал на занятие к кому-нибудь из моих семинаристов, то видел, что чаще всего для деления на команды они предлагали либо цветные квадратики, либо билетки с геометрическими фигурами. То есть, собрать надо было зелёные с зелёными, красные с красными и т.д. либо треугольнички с треугольничками, квадратики с квадратами и т.д. И этот ужас я встречал не только в детских садах и в начальной школе, но и на уроках в средней школе и даже в выпускных (!) классах.

Я стонал, возведя очи к небу:

– Ну-ка вспомните, с помощью каких интересных, информационно насыщенных и воображение интригующих фрагментов вы сами собирались в команды на семинарских занятиях. Так что же своим ученикам вы даёте такую «ерунду», где всё сразу предсказуемо, а потому и неинтересно. Разве такой примитив будет способствовать появлению, укреплению или развитию игровой атмосферы?!

В конце концов, видя, что «Васька слушает, да ест», я исходный замечательнейший приём — деление по разрезанным открыткам — стал использовать всё реже и реже (раз многие из учителей его так бессовестно искажают). На мастер-классе же, о котором идёт речь, приём «разрезанная открытка», попав в сопряжение с идеей *«ткать интерес из воздуха»*, трансформировался в некий милый виртуальный вариант: всем собраться по тройкам, чтобы или какая-то буква совпала, или что-то на рисунках оказалось созвучным.

2.3. При желании всегда можно найти общее

Надо сказать, что расчёт у меня был достаточно простой и одновременно эффективный. Я прикинул, что практически в любых трёх формулировках «малых родин» хоть одну какую-то букву да найти можно. Да и в рисунках при желании всегда можно найти что-то общее. Ну, например, хотя бы то, что они нарисованы шариковой ручкой. Или что есть прямые линии (или, наоборот, не прямые, а изогнутые). Или что в рисунке нет рамки. И т.д.

Но это — при желании. А если такого желания не будет, то участники в упор не увидят очевидных повторений. Значит, и в тройке (малой группе) они сразу сработаться не смогут, и им для сплочения нужна будет особая помощь «режиссуры урока» (которая, кстати, запланирована в классическом варианте технологии «знакомство».)

2.4. О «драконовском» повторении приёма «малых шажков»

Когда работа стала явно закручиваться, мне стало казаться, что, несмотря на прекрасную задумку, дело поддаётся с великим трудом. И эта нетерпеливость всегда подстерегает ведущего, сколь бы он ни был искущён в проведении занятий.

С одной стороны, нужно уметь слушать подсказки своей интуиции, а с другой — уметь держать себя в руках и не вмешиваться в процесс налаживания внутригруппового и межгруппового темпоритма. «Помешивать, чтобы не пригорало» — нужно, а вот вмешиваться — не стоит.

После моего сообщения о том, что нужно собираться в тройки, прошло секунд пять — а все сидят. Тут я понял, что эта публика и минуту спокойно просидит, и тогда весь рабочий темпоритм точно пойдёт насмарку. Поэтому, мобилизовавшись, я прибег к «драконовской мере» (в игровом, то есть хорошем смысле) — повторению приёма «малых шажков».

— Все встали!!! — «упругим» голосом сказал я и, дождавшись поголовного выполнения, продолжил: — Показали своему ближайшему соседу свою тетрадь, чтобы он убедился в наличии и слова (формулировки), и рисунка. И когда сосед в знак одобрения кивнёт вам, вы выходите из-за стола и отправляетесь искать свою тройку.

То есть пребывание собравшихся в недоумении и потерянности я заменил на чёткое выполнение ими маленьких крошечных заданий-ступенек: встали, показали, вышли, отправились — доступных, забавных, понятных и однозначных «простых физических действий» (по К.С.Станиславскому). Показать соседу свои каракули и получить его одобрение — уже почти всем из собравшихся любопытно. А неволью соглашаясь на выполнение этого мини-задания, они потом обнаруживали, что им ничего не стоит отправиться и на поиски «своей тройки».

В результате «пинками» я никого не поднимал и в формирование коллективного темпорита грубо не вмешивался. Но, как заправский повар, «помешивал, чтобы не пригорало». И это помогло большей части присутствующих включиться в работу, увлекая своим примером (или как сейчас модно говорить — энергетикой) оставшуюся часть, явно меньшую, привыкшую плестись в хвосте, тормозить или отставать (но подчеркнём, что, скорее всего, по весьма разным и наверняка уважительным причинам).

Экскурс 3. 0 культуре перестановок мебели

Перестановку мебели я, как правило, предвещаю такой байкой. Раньше в академических театрах (таких как, например, Малый или МХТ) было принято неукоснительно соблюдать культуру передвижения мебели. Если нужно подвинуть стул, то его никогда не брали одной рукой за спинку и не волокли по полу. Мебель учили переставлять бесшумно. Для этого стул поднимали двумя руками, по воздуху переносили на нужное место, после чего опускали. (Привычная для многих современных людей манера, не вставая со стула, с шумом двигаться с ним в нужном направлении была недопустимой не только на сцене, но и в повседневном быту!)

А чтобы стол бесшумно переставить на нужное место, требовалось не менее двух человек. Даже если стол был лёгкий, как пушинка, его всё равно поднимали вдвое, переносили на другое место и тихохонько опускали на пол.

Вообще, не только для актёров, но и для рабочих сцены существовало неписаное правило обращения с декорацией на сцене: в целях бесшумности и визуальной эстетики передвижением любой декорации можно заниматься только вдвоём, даже в том случае, если декорация настолько лёгкая, что её и девушка поднимет без труда. И это правило распространялось не только на время спектаклей, но и на время монтировки декораций, когда зрителей в зале ещё нет!

После таких баек многие из присутствующих начинают не забывать обращаться к соседу с просьбой помочь переставить стол, что, как вы сами понимаете, благотворно влияет на тренировку и развитие многих ценных умений, связанных и с коммуникативностью, и с персональной ловкостью в слаженном осуществлении совместных усилий.

[99 - 112]
Сценарии
и алгоритмы

130

Экскурс 4. 0 маркировке умелой руки

В 1989 году Натали Роджерс проводила в Москве арт-тренинг, на котором я наглядно увидел, что рисование мелками на листах лежащей на полу бумаги не только весьма доступно, но и несёт в себе завидный потенциал как психотерапевтический, так и креативный. Правда, на тренинге мелки были особые — очень яркие, многоцветные и по гамме явно старательно сгармонизированные. Назывались они восковыми и были изготовлены в Японии. Рисовать ими было одно удовольствие. Равно, как и любоваться рисунками, которые получаются у соседей...

После тренинга я обратился к Евгению Евгеньевичу Шулешко (который в то время стал привлекать меня, как специалиста по театральной педагогике, к проведению арт-занятий на его семинарах для воспитателей детских садов) с идеей

включить в свои занятия «рисование на полу» (мелками по бумаге). Шулешко предложению не только обрадовался, но тут же его и утвердил. Ведь в двадцатом веке в детских садах дети почти никогда на полу ничего не делали, а уж воспитатели — тем более.

Но мелков ярких, красивых тогда днём с огнём было не сыскать. Во время тотальной разрухи даже обычных школьных мелков ни в школах, ни в магазинах найти было невозможно. И тогда Шулешко привёз мне из Донецка два набора мелков, называемых художественными. По цвету они были более сдержанными, чем японские, но это было даже лучше — картины получались более естественными. В наборах было всего по 15 цветов, но тогда и это представлялось роскошью.

Тогда же Шулешко и попросил меня для семинара в Лесосибирске разработать технологию использования рисования на занятиях с воспитателями. Чтобы меня озадачить, он сказал примерно следующее:

– Как правило, одни воспитатели рисуют очень хорошо и прекрасно знают об этом. Тогда как другие любят то и дело настойчиво сообщать всем вокруг, что рисовать они не умеют. Исходные установки и тех и других гарантированно обеспечивают мощную защитную ревность: всё, что будет делаться их соседями, они будут воспринимать не иначе, как скептически. И вся проблема в том, как им перепутаться в своих уверенностях.

Тогда-то, зная, что в художественной педагогике есть методика рисования одновременно двумя руками, я и предложил организовать работу таким образом, чтобы все рисовали не правой рукой, а левой. Евгению Евгеньевичу это очень понравилось. Но он тут же меня поправил, заметив, что есть правши, а есть левши. Поэтому дело не в правой или левой руке, а в умелой или неумелой руке. И воспитателям очень полезно знать о том, какая рука у них умелая, а какая неумелая, чтобы более внимательно относиться к проблеме правшей/левшей у детей.

– И потом, — продолжал Шулешко, — допустим, вы предложили воспитателям рисовать неумелой рукой. Всё идёт замечательно. Но вот вы отвернётесь. Или сама воспитательница задумается, засмотрится или заговорится с другими, забудет о задании и по привычке переложит мел в удобную руку...

Тогда я предложил устроить маркировку. То есть ту руку, которая умелая, — чем-нибудь маркировать. Например, ленточкой, привязанной на большом пальце или на запястье.

Шулешко этот вариант одобрил, потому что сразу увидел в нём двойное дно. Ведь человек сам себе привязать ленточку на умелую руку не сможет, и ему обязательно нужно будет обратиться к кому-нибудь из соседей. А это для развития и тренировки коммуникативности обоим очень даже хорошо.

С тех пор вот уж двадцать лет я нет-нет да и пользуюсь приёмом рисования неумелой рукой при изоляции умелой с помощью особой маркировки.

На мастер-классе ленточек у нас не было, но была шерстяная пряжа красного цвета. Каждый отрывал от клубка кусок нити, наматывал её колечком вокруг указательного пальца и просил кого-то из соседей по тройке завязать нитку бантиком, чтобы колечко не разматалось.

/По материалам сайта www.openlesson.ru/

